

КЭНДЕС
БУШНЕЛЛ

Пятая авеню, дом один

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

Серия «Exclusive»
Candace Bushnell
ONE FIFTH AVENUE

Перевод с английского *О.А. Мышаковой, А.Ю. Кабалкина*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
International Creative Management, Inc., Curtis Brown Group
Limited и Andrew Nurnberg.

Бушнелл, Кэндес.

Б90 Пятая авеню, дом один : роман / Кэндес Бушнелл ;
[пер. с англ. О. А. Мышаковой и А. Ю. Кабалкина]. —
Москва : Издательство АСТ, 2015. — 544 с. —
(Exclusive).

ISBN 978-5-17-090623-9

Обитатели лучшего дома на лучшей улице Нью-Йорка.
Их считают счастливыми все, кому не удалось купить или
хотя бы снять там квартиру.

Но так ли уж счастливы они в действительности?

Маститый сценарист даже себе самому боится признаться,
что давным-давно устал от романа с юной хищницей и по-
прежнему любит актрису, с которой расстался много лет назад...

Озлобленная на весь свет журналистка выплескивает
желчь в сверхпопулярном блоге...

Парочка нуворишей из провинции упорно — и не слиш-
ком удачно — старается вписаться в столичную светскую
тусовку...

Мужья и жены. Любовники и соперники. Лучшие под-
руги и смертельные враги.

Их судьбы снова и снова переплетаются самым причуд-
ливым, забавным и неожиданным образом!

Какой же будет развязка увлекательной пьесы под назва-
нием «Жизнь в доме номер один по Пятой авеню»?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Candace Bushnell, 2008
© Перевод. О.А. Мышакова, 2015
© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-090623-9

Посвящается Хизер Шрёдер

Пролог

Это была только роль в телесериале и только «двушка» в Нью-Йорке, но даже гораздо менее лакомые кусочки достаются с большим трудом, и даже в Лос-Анджелесе люди знают цену *pied-à-terre** на Манхэттене. А сценарий пришел в тот же день, что и бумаги о разводе.

Снимающий режиссер заклеил бы такое совпадение как притянутое за уши и неправдоподобное, но Шиффер Даймонд обожала мистические стечения обстоятельств и знаки судьбы. Ей нравилось верить в детскую сказку, что все на свете происходит не без причин: карьеру киноактрисы она начала в ранней юности, и сказки, можно сказать, были ее хлебом. Шиффер Даймонд согласилась на роль, ради которой требовалось на полгода перебраться в Нью-Йорк, где у нее, как мы уже сказали, была «двушка» на Пятой авеню. Сначала Шиффер планировала пробыть там до окончания съемок и вернуться в собственный дом в Лос-Фелисе, но через два дня после того, как дала согласие на роль, в «Айви» она наткнулась на своего бывшего мужа, обедавшего с молодой женщиной. Экс-супруг Шиффер сидел за столиком в центре зала, упиваясь своим новым статусом руководителя сетевой корпорации, а к его спутнице

* Убежище, пристанище (*фр.*).

официанты относились столь предупредительно, что сомнений не оставалось — это и есть его новая пассия. Про девицу говорили, что она концертирующая пианистка из знаменитой семьи, однако у нее был лохотенный вид дорогой проститутки. Очередная банальнейшая связь. Впрочем, за двадцать пять лет пребывания в Голливуде Шиффер усвоила, что мужчины ничуть не возражают против стандартных джентльменских наборов, особенно в том, что имеет отношение к пенису. Именно в момент, когда отдала парковочный талон служащему «Айви», стоя в темных очках в ожидании машины, Шиффер Даймонд решила продать дом в Лос-Фелисе, забыть Лос-Анджелес и переселиться в свою «двушку» на Пятой авеню.

— Шиффер Даймонд будет играть в телесериале, — сказала Инид Мерль своему племяннику Филиппу Окленду.

— Значит, совсем отчаялась, бедняжка, — с наигранным трагизмом вздохнул Филипп.

В доме номер один на Пятой авеню тетушка и племянник занимали две лучшие (после люксового триплекса* наверху) квартиры на тринадцатом этаже, со смежными балконами, разделенными прелестной белой решеткой. Именно через эту решетку Инид сейчас и разговаривала с Филиппом.

— Роль, судя по всему, очень хорошая, — возразила Инид, сверившись с листком, который держала в руке. — Она будет играть настоятельницу монастыря, которая оставляет церковь, чтобы стать главным редактором журнала для подростков.

— Поразительно правдоподобный сюжет, — сказал Филипп с сарказмом, с каким неизменно относился к голливудской кинопродукции.

* Трехуровневая квартира. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Ну, не менее убедительный, чем фильм о гигантской рептилии, которая терроризирует Нью-Йорк. Как бы я хотела, чтобы ты забросил свои сценарии и вернулся к серьезной литературе...

— Не могу, — улыбнулся Филипп. — Я в безвыходной ситуации.

— Сериал основан на реальных событиях, — продолжала Инид. — Прототип главной героини — некая Сандра Майлс, сменившая келью настоятельницы монастыря на кабинет главного редактора молодежного журнала. Такой случай действительно имел место в семидесятые годы. Я приглашала Сандру Майлс на обед раз или два. Совершенно жалкая особа — переживала, что муж гуляет. Ну конечно, столько лет оставаться девственницей — где ж набраться опыта? Что она в постели умеет? Ладно, — сменила тему Инид, — сериал будет сниматься в Нью-Йорке.

— Угу, — ответил Филипп.

— Значит, мы снова будем встречаться с ней в подъезде, — сказала Инид.

— С кем? — с деланным безразличием переспросил Филипп. — С Сандрой Майлс?

— С Шиффер Даймонд. Сандра Майлс давно уехала из Нью-Йорка. Может, ее и в живых уже нет.

— А вдруг она поселится в гостинице? — предположил Филипп, имея в виду Шиффер Даймонд.

— С какой это стати при наличии собственной квартиры? — пожала плечами Инид.

Когда тетушка удалилась к себе, Филипп еще немного постоял, глядя вниз, на парк на Вашингтон-сквер, на который открывался великолепный вид с террасы. Парк, по-июльски зеленый и пышный, еще не ведал о приближении августовской жары и засухи, но вместо зеленой листвы Филипп видел пирс острова Каталины — он мысленно перенесся на двадцать пять лет назад.

— Ага, значит, это ты то самое юное дарование? — спросила Шиффер Даймонд, незаметно подходя сзади.

— Что? — удивленно обернулся он.

— Мне сказали, ты автор сценария этого паршивого фильма!

— Если, по-вашему, он такой паршивый... — сразу ошетинился он.

— То что тогда, юноша? — невинно спросила она.

— Зачем же вы в нем снимаетесь?

— А фильмы вообще паршивые по определению. Кино — это не искусство. Просто деньги нужны всем, даже гениям.

— Я пишу сценарии не ради денег, — сказал он.

— А ради чего?

— Чтобы знакомиться с девушками вроде вас, — осмелев, заявил Филипп.

Шиффер Даймонд засмеялась — белоснежные зубы блеснули на загорелом лице. Она стояла перед Оклендом босиком, в белых джинсах, темно-синей футболке и явно была без лифчика.

— Хорошо сказал, юноша, — одобрила она, повернувшись уходить.

— Подождите, — сказал он. — А вы правда думаете, что фильм плохой?

— А сам ты как считаешь? — ответила она вопросом. — Говорят, нельзя судить о таланте мужчины, пока не переспешь с ним.

— Вы планируете со мной переспать? — Окленд шуточно вытаращил глаза.

— Я никогда ничего не планирую. Предпочитаю естественный ход событий. Так гораздо интереснее жить, не знал? — С этими словами Шиффер ушла готовиться к съемкам очередного эпизода.

От воспоминаний Филиппа отвлек голос Инид.

— Я только что говорила с Роберто, — сообщила она, имея в виду швейцара. — Шиффер Даймонд возвращается сегодня. На неделе в ее квартире побывала приходящая уборщица и все подготовила. Роберто утверждает, будто Шиффер переезжает насовсем. Неужели тебе не интересно?

— Безумно, — холодно сказал Филипп.

— Интересно, каким ей покажется Нью-Йорк, — мечтательно протянула Инид. — После стольких лет...

— Точно таким же, тетушка, — перебил Филипп. — Нью-Йорк не меняется. Персонажи другие — пьеса та же.

В середине дня Инид Мерль, правившая почти готовую статью для ежедневной колонки светских сплетен, которую вела уже полвека, вздрогнула от громкого стука: резкий порыв ветра захлопнул балконную дверь. Подойдя, чтобы открыть ее, Инид увидела, как потемнело на улице, и вышла на террасу. Небо над Гудзоном почти целиком заслонила подсвеченная желтым грозовая туча, напоминавшая гигантскую гору, которую стремительно несло на город. Странно, удивилась Инид, а ведь не парило, как обычно перед грозой. На террасе этажом выше она заметила соседку, миссис Луизу Хотон, в старой соломенной шляпе, перчатках и с садовыми ножницами. За последние пять лет почтенная миссис Хотон, чей возраст приближался к ста годам, сильно сдала и почти все время посвящала уходу за любимыми розами, неоднократно удостоенными высших наград на разнообразных выставках.

— Здравствуйте! — крикнула Инид (миссис Хотон была глуховата). — Кажется, надвигается сильная гроза.

— Спасибо, милая, — снисходительно обронила миссис Хотон, словно королева своей подданной. Инид покоробил бы покровительственный тон, не будь это стандартным ответом престарелой дамы любому из соседей.

— Не лучше ли вам вернуться в дом? — прокричала Инид. Несмотря на старомодные манеры миссис Хотон, которые не все понимали, Инид любила старую леди, ведь они прожили рядом больше шестидесяти лет.

— Спасибо, милая, — снова проскрипела миссис Хотон и, наверное, действительно ушла бы к себе, но ее внимание отвлекла стая голубей, резко взлетевших над парком. В следующую секунду небо стало черным и первые капли размером с хорошие зерна забарабанили по Пятой авеню, сразу перейдя в сплошной ливень. Инид бегом кинулась под крышу и уже не видела, как миссис Хотон, спасаясь от дождя, поковыляла к себе на высохших старческих ногах. Под сильными порывами ветра не выдержали крепления розовой шпалеры, которая вылетела из рамы и ударила элегантную старую леди под колени. Не удержавшись на ногах, Луиза Хотон упала на бок, сломала хрупкую бедренную кость и окончательно лишилась способности сдвинуться с места. Несколько минут она лежала под проливным дождем, пока одна из горничных, не обнаружив хозяйку в огромной, в семь тысяч квадратных футов, квартире, не догадалась выглянуть на террасу и нашла миссис Хотон под розовой шпалерой.

В то же время по Пятой авеню медленно ехал маленький кортеж из двух лимузинов-таункаров. Напротив дома номер один кортеж остановился, водители выбрались на тротуар и, сгорбившись под дождем и сыпля указаниями и проклятиями, начали вытаскивать багаж. Первым извлекли старомодный пароходный кофр, который под силу было поднять только двум крепким мужчинам. Швейцар Роберто сразу вышел из подъезда, но остановился под навесом и вызвал помощь. Из подвала поднялся носильщик — он катил перед собой большую багажную тележку. Водители ухнули кофр в тележку, а сверху один за другим навалили остальные чемоданы.

Сильный порыв ветра вырвал из рук какого-то клерка зонт, и он понесся по тротуару, вывернутый и растопыренный, как ведьмина метла, пока не наткнулся на колесо сверкающего черного универсала, подкатившего к подъезду. Рассмотрев, кто сидит на заднем сиденье, Роберто решился бросить вызов непогоде. Подняв большой, зеленый с белым, зонт, он замахал им как мечом, спеша из-под навеса навстречу автомобилю. Добежав до внедорожника, он предусмотрительно развернул купол зонта против ветра, чтобы защитить от дождя выходящего пассажира.

Из машины показалась цвета морской волны парчовая туфелька на невысоком остром каблуке, за ней другая, потом идеальные ноги, любовно обтянутые узкими белыми джинсами, кисть руки с тонкими элегантными пальцами художника (средний украшало кольцо с большим аква Марином), и, наконец, Шиффер Даймонд предстала во всей своей красе. Она совершенно не изменилась, отметил Роберто, почтительно предложив руку, чтобы помочь актрисе выйти.

— Привет, Роберто, — поздоровалась актриса так просто, словно с момента их последней встречи прошло две недели, а не двадцать лет. — Дерьмо погода, да?

АКТ ПЕРВЫЙ

Глава 1

Билли Личфилд проходил мимо дома номер один по Пятой авеню минимум дважды в день. Когда-то он держал пшеничного терьера — подарок миссис Хотон, выращивавшей мягкошерстных пшеничников в своем гудзонском поместье. Собаке требовались две прогулки в день на собачьей площадке в парке, и Билли, который жил в начале Пятой авеню, взял в привычку проходить мимо дома номер один, сделав это частью дневного ритуала. Это было одно из его любимых исторических зданий — бледно-серого камня роскошный дом в стиле ар-деко. Считая себя представителем тысячелетия, Билли Личфилд тем не менее оставался завсегдатаем литературного кафе и не уставал восхищаться этим роскошным небоскребом. «Не важно, какой у тебя дом, главное — район приличный», — говорил он себе, но никак не мог побороть желание поселиться именно в доме номер один по Пятой авеню. Он страстно мечтал об этом тридцать пять лет, но пока ничего не получалось.

Однажды Билли решил, что мечта умерла или как минимум утратила актуальность: это было сразу после одиннадцатого сентября, когда цинизм и внутренняя пустота, пропитывавшие и отравлявшие жизнь Нью-Йорка, вдруг показались всем излишне жестокими, и сразу стало вульгарным желать чего-то иного, нежели мира во всем

мире. Однако прошло шесть лет; Нью-Йорк, словно скаковую лошадь, нельзя удержать на месте или переделывать. Пока большинство жителей скорбели о погибших, тайное общество банкиров колдовало над гигантским денежным котлом, заваривая, помешивая, добавляя молодой напор и компьютерные технологии, — и, вуаля, возник целый класс до неприличия богатых американцев, обладателей «нового» капитала. Возможно, для Америки это было плохо, зато хорошо для Билли. Объявив себя анахронизмом, лишенным необходимых в глазах обывателя аксессуаров (включая постоянную работу), Билли исполнял обязанности администратора при очень богатых и успешных людях, сводя их с дизайнерами интерьера, артдилерами, клубными импресарио и членами различных комитетов — от домовых до культурного наследия. В дополнение к энциклопедической эрудиции в сфере искусства и предметов старины Билли отлично разбирался в самолетах и яхтах, водил знакомство с их владельцами, мог с лету назвать десяток мест престижного отдыха и знал, в какие рестораны следует ходить.

Впрочем, своих денег у Билли было очень мало. Обладая утонченной натурой аристократа, он был снобом и зарабатывать считал ниже своего достоинства. Билли с упоением вращался среди богатых и знаменитых, блистал остроумием на званых обедах и домашних вечеринках, советовал, что говорить и как лучше тратить деньги, но сам предпочитал не марать руки в погоне за презренным металлом.

Несмотря на огромное желание жить в доме номер один по Пятой авеню, Билли не смог заставить себя заключить пакт с дьяволом и променять душу на кругленькое состояние. Поэтому он довольствовался жильем, за которое стабильно платил тысячу сто зеленых в месяц. Личфилд часто напоминал себе, что человеку в принципе не так уж нужны деньги, если у него есть друзья, богатые, как Крёз.

С прогулки Билли обычно возвращался в прекрасном расположении духа, но в то июльское утро свежий утренний воздух принес дурные вести. Присев в парке на скамейку со свежим номером газеты, Билли узнал, что его любимая миссис Хотон скончалась минувшей ночью. Три дня назад во время грозы ее оставили под дождем на какие-то десять минут, но этого оказалось достаточно: молниеносная пневмония за считанные часы поставила точку в долгой жизни почтенной леди. Смерть Луизы Хотон стала неожиданностью для многих в Нью-Йорке. Билли отчасти утешило, что некролог напечатали на первой странице: выходит, один-два редактора еще чтит традиции ушедшей эпохи, когда искусство значило больше, чем деньги, а участвовать в общественной жизни считалось важнее, чем хвастаться своим богатством, как ребенок игрушками.

Занятый мыслями о миссис Хотон, Билли спохватился, лишь когда ноги сами привели его к внушительному фасаду одного из первых жилых небоскребов Нью-Йорка. Много лет этот дом был неофициальным клубом талантливейших художников, писателей, композиторов, дирижеров, актеров, режиссеров — словом, носителей творческой энергии, бурлящей в жилах Нью-Йорка. Не будучи, строго говоря, человеком искусства, миссис Хотон, жившая здесь с 1947 года, стала крупнейшей патронессой и основательницей различных фондов. Она жертвовала миллионы большим и малым учреждениям, имеющим отношение к искусству. Кое-кто даже называл ее святой.

Папарацци, видимо, решили, что снимок дома, где жила миссис Хотон, можно выгодно продать, и сгруппировались у входа. Билли разглядывал группку небритых фотографов в растянутых футболках и старых джинсах, чувствуя себя оскорбленным в лучших чувствах. Все различные люди уже на том свете, мрачно подумал он.

Но тут же, как у всякого истинного нью-йоркца, мысли Личфилда перескочили на недвижимость. Кому достанется роскошная квартира миссис Хотон? Ее детям за семьдесят, внуки продадут триплекс и с удовольствием возьмут наличные, ибо успели промотать большую часть дедовского состояния, которое, как большинство нью-йоркских фамильных капиталов, оказалось не столь внушительным, как бывало в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века. Тридцать лет назад за миллион долларов можно было купить практически все, что угодно, а сейчас этой суммы едва хватает по-человечески отпраздновать день рождения.

«Как изменился Нью-Йорк!» — сокрушенно подумал Билли.

— Деньги тянутся к искусству, — любила повторять миссис Хотон. — Деньги алчут того, чего нельзя купить, — исключительного качества и истинного таланта. Помни, без таланта денег не сделаешь, но еще больший талант нужен, чтобы тратить их с умом. Вот почему ты всегда будешь иметь хлеб с маслом, Билли.

Но кто же купит жилье покойной миссис Хотон? В ее царстве цветастого мебельного ситца ремонта не было лет двадцать, но, по сути дела, на продажу выставялась настоящая жемчужина — одна из самых просторных квартир на Манхэттене, прекрасный триплекс, построенный когда-то для себя владельцем этого небоскреба, прежде отеля. Луиза Хотон обитала в настоящем дворце с двадцатифутовыми потолками, бальным залом с мраморным камином и открытыми террасами, опоясывающими все три этажа.

Билли всей душой надеялся, что в триплекс въедут не какие-нибудь Брюэры*, хотя понимал: надежды на это мало. Несмотря на аляповатый ситчик, квартира стоила по меньшей мере двадцать миллионов; кто может позволить себе такую роскошь, кроме топ-менеджеров

* Brewer — пивовар (англ.).